

быть или бить?

Я не призываю испортить природу, призываю использовать то, что есть в природе. Посмотрите, что происходит: с каждым месяцем растут тарифы на газ, электроэнергию и будут расти, нас в этом заверяют, а зарплаты — на прежнем уровне. Армения в свое время одной из первых прекратила строительство АЭС. Померзли, холодно стало... Срочно начали строить АЭС. Так вот не надо ждать, когда всем будет холодно, а симптомы есть.

АЭС строить надо, и непременно, если не хотим остаться жить в пещерном веке, в чистой природе с продолжительностью жизни 57—58 лет.

Возим уголь и мазут, гоним газ на отопление, а если определить радиационную опасность этих теплоносителей, столько завозим радионуклидов, что никакому атому за ними не угнаться.

«Прочитав в кратком изложении доклад экспертов ООН, я находился в состоянии, близком к шоку»,

— признался доктор экономических наук, профессор Петрозаводского университета Владимир Борисович АКУЛОВ.

Какая же информация потрясла ученого?

— Экспертиза ООН — это не доклад Минатома, не доклад Института по атомной энергетике РФ, не доклад МАГАТЭ, которые напрямую заинтересованы в строительстве и эксплуатации АЭС, это обособленная экспертная группа,

перед которой была поставлена задача определить последствия (15 лет прошло со дня аварии на Чернобыльской АЭС) взрыва на ЧАЭС.

Я был уверен (в силу незнания всех деталей), что последствия радиационного выброса достаточно сильны, однако авторы доказали, что, во-первых, не от действия радиации, а от радиобоязни (от стрессов) людей погибло больше, чем от взрыва на АЭС. Во-вторых, на загрязненных территориях не выявлено сверхнормативного и сверхобычного количества радиации. А это касалось трех стран. Для меня сообщение было удивительным. Это, однако, не означает, что такой апокалиптический сценарий я пытаюсь рассматривать оптимистично. Просто рассуждаю. Несомненно, что Чернобыль — одна из крупнейших техногенных катастроф XX века. Насколько известно, в то же самое время в Индии произошла авария на одном из крупнейших химических предприятий. Количество жертв там было значительно больше, чем при взрыве на ЧАЭС, и через определенное время статистика четко показала генетические изменения, которые происходят сейчас уже у других поколений.

Поэтому любой технологический объект, даже тепловая электростанция, — конечно же вид повышенной экологической опасности, и мы не можем сбрасывать со счетов боязнь человека на уровне подсознания, которая происходит чаще всего от незнания.

Если посмотреть энергобаланс Карелии, то очевидна его дефицитность. Причем эта дефицитность будет нарастать, если экономика рес-

публики приобретет положительные тенденции, на что мы надеемся.

50 процентов электроэнергии мы получаем сейчас с Кольской энергетической системы, причем необходимо иметь в виду, что в самое ближайшее время один из агрегатов Кольской АЭС будет выведен из эксплуатации. Дефицит будет нарастать, а попытка преодолеть его за счет сжигания опилок и каких-то других затратных технологий малоперспективна. Преодолеть дефицит за счет строительства малых ГЭС вряд ли удастся. Мы не можем достроить и одной гидростанции. Это уже стало притчей во языцех.

Второй момент очень важный. Большая часть наших граждан идентифицирует РАО «ЕЭС России», «Карелэнерго» и структуры, которые занимаются созданием и эксплуатацией АЭС. На самом деле это конкурирующие фирмы. У РАО на рынке энергетических ресурсов есть один конкурент — унитарный государственный концерн «Госатомэнерго». Ему принадлежат все атомные электростанции России, он осуществляет строительство и эксплуатацию всех АЭС под крышей (в хорошем смысле слова) Энергоатома, осуществляющего дальнейшую переработку отработанного ядерного топлива. Поэтому дискуссия с энергетиками «Карелэнерго» бесплодна, для них это прямой конкурент, который придет сюда и вряд ли будет принят положительно. Вот такие резоны.

Еще один резон по поводу ядерной безопасности. В отличие от тепловой электростанции, которая работает на угле и газе, АЭС является закрытой системой. Единственный тип загрязнения окружающей среды, который работает АЭС доставляет природе, — тепловое загрязнение. Атомная АЭС в час забирает 20—30 тысяч кубометров воды, и через неко-

торое время после прохождения ее по соответствующему комплексу она возвращается, нагретая до нескольких градусов. К этим градусам должны приспособиться рыба и другая фауна, которая обитает в водоеме.

— Общество напугано Чернобылем, непредсказуемостью и опасностью ядерных энергоблоков, освобожденным атомом. Есть такое понятие «дуракоустойчивость», непрофессионализм, другим словом. Насколько известно, не погрешности в проекте привели к взрыву на ЧАЭС, а какие-то эксперименты... Можно ли застраховать атомную станцию на «дуракоустойчивость»? Или она на Руси категория непреходящая?

— Надо помнить, что на подобных объектах работают высокопрофессиональные специалисты. Что это значит? Значит, например, то, что, когда на «Курске» произошел взрыв, люди, понимая, что произошло, тем не менее сделали все возможное, чтобы перекрыть (вручную) энергоблоки.

Построенная нашими специалистами АЭС неподалеку от Хельсинки, например, считается одной из самых чистых и безупречных. А ведь там и проект, и оборудование российские, и специалисты наши строили.

Считаю, что проблему АЭС надо обсуждать, но не сейчас, не в преддверии выборов. Сейчас никто не должен говорить ни «да», ни «нет» по нескольким причинам, главная из которых — это будет использовано в предвыборной кампании. Такого рода решение, как строительство АЭС, должно приниматься в абсолютно здоровом уме и на абсолютно трезвую голову, без какого-либо политического шлейфа. Попытка будировать этот вопрос — попытка расколоть общество накануне выборов. Это очень опасно, АЭС не должно стать заложником политических разборок.

Подготовила Галина СОХНОВА